

ОТ ИДЕЙ РАВЕНСТВА К ИДЕЯМ НОВОЙ ТЕЛЕСНОСТИ: ФЕМИНИСТСКАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ТЕОРИЯ О НОВЫХ МЕДИА¹

Сергеева О. В., г. Волгоград

Новые медиа, рассматриваемые не как контент, а как технологии посредничества, меняющие в силу своих конструктивных особенностей связи между людьми, получили теоретическую интерпретацию в направлении FTS (феминистских исследованиях технологии). Феминистская теория гендера и технологии совершила большой рывок в своем развитии за последние два десятилетия. На сегодняшний день можно говорить, во-первых, о раннем феминизме, для которого характерно настроение фатализма, подчеркивающее роль технологии в репродуцировании патриархата; во-вторых, о постмодернистском течении киберфеминизма 90-х гг. XX в., сторонники которого приветствовали цифровые технологии как инструмент освобождения для женщин; в-третьих, о подходе технофеминизма, благодаря которому формируется комплекс идей о социальном со-конструировании гендера и технологий.

Если ранний феминизм обращен к анализу технологий индустриальной эпохи, то новые медийные технологии в полной мере стали центром внимания киберфеминизма. Учитывая драматические изменения в распространении и использовании цифровых технологий, сторонники киберфеминизма с энтузиазмом говорили о сетевых технологиях. Подчеркивалось, что виртуальное пространство интернета свидетельствует о конце телесных оснований для различия по полу [2; 3]. Согласно Сэйди Плант, например, цифровые технологии облегчают устранение границ между людьми и механизмами, между мужчинами и женщинами, позволяя пользователям выбрать иные маски и принимать альтернативную идентичность. Индустриальная технология может иметь патриархальный характер, но цифровые технологии, эксплуатирующие мозг, а не мускулы, основанные на сетевом принципе скорее, чем на принципе иерархии, создают новые отношения между женщинами и технологиями. Интернет и виртуальное пространство понимаются в киберфеминизме как «женские медиа», обеспечивающие технологическое основание для новой формы общества, которое потенциально освобождает женщин. Согласно этому представлению женщины больше, чем мужчины подходят для жизни в цифровую эпоху.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта № 13-23-01002а(м) «Социальная теория и методология исследований новых медиа: трехязычный словарь-справочник».

Оптимизм этой постмодернистской литературы лучше всего суммирован Донной Харавей [1], подталкивающей нас впитать положительный потенциал науки и техники. Она резко критически настроена по отношению к течению экофеминизма. Экофеминизм ратует за отказ от науки и технологии, закрепощающих женщин, в пользу возвращения к естественному состоянию. Хотя это звучит провокационно, но Д. Харавей предпочитает быть «киборгом», то есть гибридом живого организма и технологии. Она обращает внимание на большой потенциал науки и техники, создающих новые значения и новые объекты, формирующих новые миры. Она с воодушевлением относится к трудно прогнозируемым эффектам современных технологий, в частности выступает за развитие гибридных объектов, произведенных биотехнологией. Генная инженерия, методы репродуктивной медицины и появление виртуального пространства – все это существенно преобразует традиционное понимание гендерной идентичности, а также вносит изменения в отношения женщин и технологии.

Однако, некритический энтузиазм по отношению к цифровым технологиям вызвал упреки исследователей в технологическом детерминизме, хотя он и проявляется оптимистически, а не пессимистически. Мы можем видеть, что женщины активно вовлечены в производство новых идентичностей, но все-таки не через процессы создания технологий, а через потребление новых медиа (например, ведение блогов является популярной деятельностью среди молодых женщин), а возможности гендерного дискурса в виртуальном мире ограничены реалиями обычного мира. Так, например, быстро растущий виртуальный мир Second Life с более чем одним миллионом зарегистрированных участников – это сложное 3D-пространство, предназначенное для взрослых «резидентов», которые могут в силу своего воображения создавать аватары и воспроизводить желаемый образ жизни.

И хотя Second Life, по оценкам аналитиков, развивается как среда продвижения альтернативных ценностей, все же этот мир стал одним из источников виртуальной порнографии. То есть фантастические кибермиры не обязательно удобные культурные «места обитания» для женщин.

По мнению Дж. Вайсман, чтобы продвигаться вперед мы должны продолжить очищать наше понимание отношений между ICT и гендером так, чтобы мы не обращались с технологией или только как с чем-то обязательно патриархальным, или как с однозначно дающим

возможности эмансипации. Дж. Вайсман развивает концепцию технофеминизма, подчеркивая, что связь между полом и ИСТ не является неизменно установленной. [4] В то время как процесс проектирования решает многое, технологии все же зависят и от непреднамеренных социальных последствий их распространения и доместикации. Способность пользователей женщин произвести новые, выгодные для них «прочтения» технических артефактов зависит от их более широких экономических и социальных обстоятельств. Например, девушка-тинейджер ощущает свой мобильный телефон как расширение или свободное продление ее тела. Для ее матери, телефон может быть, прежде всего, инструментом, помогающим контролировать свою дочь. Для женщин-предпринимателей мобильный телефон служит средством управления бизнесом. Наблюдаются большие различия женского опыта ИСТ, определяемые географическим местом, национальностью, классом, этнической принадлежностью, возрастом.

Технофеминизм вскрывает, как конкретные методы проектирования, маркетинга, научной и образовательной политики государства приводят к отсутствию определенных пользователей, в частности, женщин. И хотя невозможно определить заранее желаемые характеристики технологий и информационных систем, которые гарантировали бы равенство, обязательно, чтобы женщины были вовлечены в инженерную деятельность по созданию технических инноваций. Подход технофеминизма подчеркивают, что производство гендера имеет несколько измерений, соединяя материальные, дискурсивные и социальные элементы. Деконструкция запутанных связей технических артефактов, культуры и гендерных идентичностей помогает объяснить, почему эта связь оказалась настолько длительной.

Литература

1. Haraway D. A manifesto for cyborgs: science, technology, and socialist feminism in the 1980's // *Socialist Review*. 1985. Vol. 80, no. 15. pp. 65–108.
2. Millar M. *Cracking the Gender Code: Who Rules the Wired World?* Toronto: Second Story Press, 1998.
3. Plant S. *Zeros and Ones: Digital Women + the New Technoculture*. London: Fourth Estate, 1998.
4. Wajcman J. *TechnoFeminism*. Cambridge Polity Press, 2004.